

— Мин Цюээр, эти документы передай напрямую в Управление приказов... — Се Цзюнь поставил последнюю точку, накрыл перо колпачком и принялся задумчиво вращать его в пальцах.

Мин Цюээр принял бумаги и, глядя на размеренные движения господина, не удержался от тихого вопроса:

— В последнее время вы в отличном настроении, господин.

Се Цзюнь отложил перо, поднял взгляд на мужчину-бету и мягко улыбнулся:

— С чего ты взял?

Мин Цюээр немного подумал и честно ответил:

— Даже не знаю, как сказать... Просто вы перестали принимать лекарства.

Уже больше двадцати дней господин не притрагивался к склянкам и не требовал, чтобы люди старого Ванцзюэ готовили для него новые составы.

— Возможно, — кивнул Се Цзюнь, медленно потирая подушечками пальцев край стола.

Внезапно взгляд его упал на пустое запястье. След от долгих лет ношения буддийских четок, белесый, как изъян на коже, долгое время словно сковывал его. Теперь же путы исчезли, а на их месте остались лишь липкие, цепкие объятия одного омеги, и, что примечательно, это совсем не вызывало у него отторжения.

Се Цзюнь негромко рассмеялся — одна лишь мысль об этом казалась ему забавной.

Встретившись взглядом с Мин Цюээром, он поднялся из-за стола и серьезно произнес:

— Больше лекарства не понадобятся.

Мин Цюээр в ужасе округлил глаза, запинаясь, он хотел было подойти ближе и расспросить подробнее.

Женщина надела военный китель, обернулась на простодушного бету и, вспомнив что-то, улыбнулась — в этой улыбке сквозила природная интеллигентность. Она провела пальцами по воротнику.

— Мин Цюээр, — господин отчетливо произнес его имя. Бета поднял глаза на этого альфу, которому был готов посвятить всю свою жизнь и которого глубоко уважал.

Тонкие губы женщины приоткрылись, и она добавила, чеканя каждое слово:

— У меня есть лекарство. Мое собственное лекарство.

До самого ухода господина Мин Цюээр стоял в оцепенении. Что значит — собственное лекарство? Разве можно контролировать духовную силу господина без подавляющих препаратов, которые старый Ванцзюэ готовил с таким трудом? В те составы входили компоненты, о которых никто не знал... Откуда у господина могло взяться свое средство?

Стоило выйти из здания.

— Се Цзюнь! — Хэсо Фан Минь, сжимая стопку документов, окликнул женщину-альфу, выходящую из Управления военного контроля.

Мужчина, как всегда, был одет в нелепый костюм «павлина», волосы были гладко зачесаны назад, а пара капризных глаз с приподнятыми уголками смотрела свысока.

Преградив Се Цзюнь путь, он нехотя процедил:

— Глава Управления.

Фан Минь был в изящных белых перчатках, всем своим видом выставя напоказ свое превосходство, но делал он куда больше, чем просто позерствовал.

Мужчина подошел ближе, но, проигрывая в росте, тут же растерял часть спеси. Он тихо кашлянул:

— Есть дела, которые требуют вашего вмешательства...

Се Цзюнь бросила на него короткий взгляд, не выказав ни капли раздражения. Она лишь неспешно расстегнула запонки и аккуратно отвернула манжеты — движение получилось мягким и интеллигентным.

Фан Минь, до сих пор помнивший боль в руках после тех двух стычек, невольно отшатнулся и сглотнул.

— Об этом нужно доложить наверх! — голос мужчины стал тише.

Из-за своего болезненного тщеславия Фан Минь был абсолютно уверен, что сможет сместить Се Цзюнь с поста Ванцзюэ. Он шагнул вперед, в его глазах горели амбиции альфы.

— Неужели вам не любопытно, где скрывается народ звездной системы Цюнь?

Фан Минь усмехнулся и протянул Се Цзюнь документы:

— Торговля оружием докатилась до Имперской звезды... Интересно, с кем же вы в сговоре? — он блефовал. Если бы Се Цзюнь действительно была замешана в столь прибыльном деле, это могло потянуть на дно всю семью.

И его самого тоже.

Женщина не взяла бумаги, позволив им упасть на пол. На её лице сияла чистая, интеллигентная улыбка, хотя взгляд слегка потемнел.

— Военные конфликты не имеют отношения к семье Хэсо. Всё, что у нас есть... — она чуть прикусила тонкую губу, — это деньги.

Имперская семья разделила власть между тремя родами: семья Моду контролирует армию, семья Сюэ — производство военных кораблей, а в руках семьи Хэсо лишь деньги. Точнее, все богатства планеты, связанные с экономикой семьи.

Фан Минь фыркнул:

— Можете кричать об этом громче, все и так знают, что наш род — это выскочки.

Се Цзюнь проигнорировала назойливость Фан Миня и собралась уходить.

Павлин поспешно бросился следом, схватил Се Цзюнь за запястье и, не отпуская, выпалил:

— Куда это вы так спешите! К любовнику на содержание!?

Се Цзюнь остановилась. Взгляд, брошенный на него, был холодным, а голос прозвучал пугающе ледяным тоном:

— Глава Управления, сейчас нерабочее время. Вы хотите пойти против начальства... или хотите умереть?

Женщина-альфа шагнула ближе, и давление её духовной силы заставило Фан Миня согнуться. Он с трудом устоял на ногах, хмурясь, и рука, державшая Се Цзюнь, бессильно опустилась.

Тем не менее, он стиснул зубы и прошипел:

— Я же угадал. Столько времени проводите с этим Пэй Цзюэси, немудрено, что нахватались грязи...

— Как ваш кузен, советую: поиграли с людьми из этого круга — и хватит...

В глазах Фан Миня блеснуло торжество, словно он раскрыл огромную тайну.

— Остальное... — он усмехнулся. — Слишком грязно.

Его сила крови уступала Се Цзюнь, но он был достаточно бесстыден, чтобы всегда находить способ нанести удар в самое больное место.

В глазах Се Цзюнь действительно промелькнул холод. Она легко высвободила запястье, и её спокойное лицо медленно окаменело.

— О?.. — Фан Минь, терпя боль, прикрыл рот рукой, изображая притворное удивление.

Он медленно покачал головой и с многозначительным видом вздохнул:

— Те пятнадцать лет, что наш Глава Управления отсутствовал... вряд ли были чистыми...

— Раз уж вам так нравится возиться с такими людьми, вы — пара, созданная друг для друга.

На кухне кипела работа. Нож ловко нарезал овощи, хотя каждое движение давалось мужчине с трудом.

Он был в розовом кружевном фартуке, накинутом поверх длинного свитера, прикрывающего бедра; его стройные ноги мелькали в воздухе. После нескольких срезов на тонких запястьях проступили красные следы.

— Всего-то пара морковок, а я с ними не справлюсь? — Се Цзюнь решил во что бы то ни стало победить упрямый овощ. Рана, полученная во время похищения, еще не зажила, и ему приходилось делать перерывы после каждого движения.

— Дзынь, дзынь, дзынь! — он с детским упрямством стучал ножом по доске, создавая такой шум, что не заметил, как за его спиной появилась женщина.

— Хм! — Се Цзюнь бросил нож и потер запястье, собираясь пожаловаться.

Но тут его запястья коснулись длинные пальцы женщины, неспешно разминая кожу.

— А! Вы вернулись! — Се Цзюнь тут же забыл про морковь и повис на шее Се Цзюнь, нарочно

протягивая руку и жалобно протягивая: — Больно~

Се Цзюнь продолжала массировать, не переставая улыбаться.

— Раз больно, не нужно резать, — её голос оставался мягким и спокойным. Никто бы не догадался, что только что она участвовала в драке, где кулаки сталкивались с кулаками с жестокой силой.

Се Цзюнь прищурился и подался вперед:

— Просто в последнее время нет съемок, решил вспомнить старое ремесло.

Пока женщина старательно разминала ему запястье, он, пользуясь случаем, начал ластиться, требуя поцелуя. Запрокинув голову, с раскрасневшимися губами, он выглядел невинно и соблазнительно.

Добившись желаемой близости, он перешел к главному:

— Раньше я работал поваром.

Се Цзюнь подтянул Се Цзюнь к кастрюле, в которой на медленном огне что-то варилось, и гордо вскинул подбородок:

— Смотри!

Он показал ей содержимое, а потом, вильнув бедрами, перекрыл обзор. Обхватив альфу за шею, он намеренно, якобы случайно, потерся пальцами о её железу.

— Я сегодня впервые зажег плиту. Ты должна попробовать, какая я хозяйшка, — Се Цзюнь прижался голыми ногами к бедрам Се Цзюнь.

Он прошептал:

— Мне тоже нравится кухня.

Се Цзюнь обхватила его за тонкую талию и склонила голову:

— М-м? — она сделала вид, что не понимает.

Мужчина поймал её руку и отвел к завязкам фартука на спине, его персиковые глаза затуманились:

— Разве хозяйственность не разжигает желание еще сильнее?

Стоит омеге попробовать запретный плод, как мысли тут же заполняются только этим.

До того, как поставить метку, они могут войти в период уязвимости в любой момент.

Каждый день для них — весна.

Се Цзюнь подхватила его и поставила на пол, погладив по маленькой мочке уха:

— Цзюнь, спустись.

Мужчина продолжал извиваться, не желая отстраняться.

В конце концов, Се Цзюнь отцепила его от себя и отправила «в наказание» стоять у холодильника, чтобы остыл. Он держался за живот и недовольно бормотал:

— Предатель! — его серебристые волосы мягко падали на лоб, а в глазах читалось лишь неудовлетворенное желание.

Он продолжал ворчать:

— Все альфы такие: как только натянут штаны — сразу все забывают. Предатели!

— Наверняка наелась где-то на стороне, раз не хочешь меня касаться.

— Смотришь в кастрюлю, а ешь из миски...

Пока Се Цзюнь ворчал, Се Цзюнь вышла из комнаты уже в другой, повседневной одежде.

Омега тут же коснулся лба:

— Госпожа Се Цзюнь~~~~ я устал... — он прислонился к холодильнику, изображая полное бессилие.

Се Цзюнь поставила маленькое ведерко, взглянула на него и с сожалением покачала головой:

— Какая жалость. Тогда отдохни дома, Цзюнь. — Она поправила одежду, взяла ведерко и направилась к выходу.

Се Цзюнь, прождавший её весь день, не собирался упускать свой шанс. Он бросился к ней и обхватил за узкую крепкую талию:

— Куда ты~

Се Цзюнь отмахнулась:

— Цзюнь, ты болен, лучше не идти.

Се Цзюнь не отставал, поспешно и тихо извиняясь:

— Я ошибся, ошибся, я хочу с тобой~ Ну пожалуйста...

— Неужели на южном побережье всегда так тепло!? — Се Цзюнь широко раскрыл глаза, увлеченно копаясь в песке маленькой лопаткой... Он поймал крошечного краба и бросил его в ведро.

Он копал с удовольствием, но Се Цзюнь тут же вытряхнула краба обратно на песок, позволяя тому уползти восвояси.

— Я никогда раньше не был на юге, — серебристые волосы мужчины в лучах заката отливали багрянцем, мягко прикрывая розовую железу за ухом.

Белоснежные ступни Се Цзюнь оставляли следы на песке, а на его щиколотке звенел крошечный телесного цвета колокольчик.

Каждый его шаг сопровождался нежным звоном.

Женщина шла следом, ступая точь-в-точь по его следам.

— Раньше я жил на севере. Те, кто уезжал оттуда, любили хвастаться, что на юге огромное море и мягкий песок... — Се Цзюнь нагнулся, чтобы поднять маленькую ракушку, тщательно отряхивая её от грязи.

— Но много ли детей из наших краев уезжало? А те, кто уезжал, не хотели возвращаться, поэтому я мало что знал. Однажды один ребенок вернулся и, увидев, что я красивый, подарил мне стеклянный шарик...

Се Цзюнь обернулся и увидел, что Се Цзюнь с ведром идет прямо за ним, всего в нескольких шагах. Он медленно повернулся, и его уши покраснели.

Он продолжил:

— Он обманул меня, сказав, что это жемчужина, и велел продать её, когда мне не на что будет купить еды.

Се Цзюнь развернулся, встав лицом к закату. Мягкий свет окутал его волосы, и он счастливо рассмеялся:

— Я был глупым, правда пошел менять её.

— Все думали, что я какой-то оборванец, не способный отличить жемчуг, и ругали меня на диалекте, которого я даже не понимал.

— Маленький негодник.

— Ха-ха-ха... — Се Цзюнь смеялся, находя эту историю все более забавной. Он согнулся пополам, не в силах стоять ровно.

Но чем больше он смеялся, тем более жалким себя чувствовал.

Се Цзюнь была так близко, с ведрком в руках, и в то же время так далеко.

В её глазах отражались тени, но они были размыты.

Он не мог разглядеть.

Се Цзюнь не понимал.

Кем они теперь приходятся друг другу?

В этот момент к пляжу подошла шумная толпа. Мужчина и женщина в свадебных нарядах — похоже, они праздновали свадьбу. Невеста с букетом бежала впереди, а жених следовал за ней, осторожно оберегая...

Се Цзюнь заворуженно наблюдал.

Очевидно, они бросали букет. Люди смеялись и толкались, сражаясь за простые полевые ромашки.

— Зачем они дерутся, Цзюнь? — спросила Се Цзюнь. Она не понимала таких шумных сборищ и не привыкла к ним.

Се Цзюнь посмотрел на свои грязные руки, сжимающие ракушку, и с завистью глянул на счастливых людей.

Один держит цветы, другой — грязь.

— Это букет невесты. Тот, кто его получит, выйдет замуж.

Се Цзюнь задумалась, глядя на борьбу за цветы:

— Если у того, кто поймал букет, нет пары, это не очень-то вежливо.

Се Цзюнь сделал шаг вперед, и его тень на песке приблизилась к тени женщины на расстояние дюйма.

Он сказал:

— Всегда найдется тот, кто захочет его полюбить.

Даже если сейчас его нет, позже он обязательно появится.

Се Цзюнь смотрела на Се Цзюнь и видела перед собой нечто горячее, живое, самое полное жизни существо, которое она могла держать в своих руках.

Возможно, она шаг за шагом поддавалась этому притяжению.

Возможно, она обманывала себя, что это происходит пассивно, а не по её воле.

Се Цзюнь шел впереди, дерзко соблазняя, дерзко смешивая их жизни.

Он ни разу не отступил.

Постепенно он пробудил в ней мысли, которых не должно было быть.

— А! — изумился мужчина.

Его рука, испачканная грязью, сжала брошенный кем-то букет. Его глаза расширились, в них промелькнула радость.

Он стоял на песке, омываемом морской волной, сжимая букет.

Он был невероятно красив.

Слова, звучавшие в полумраке, крутились в голове, словно заезженная пластинка.

— Значит... моя исключительность принадлежит вашему... чему?

— Лекарству.

— Ядовитому лекарству.

— Но разве ядовитое лекарство держат так близко?

Может быть, это и яд, но удержаться от близости невозможно.

Она подумала об этом, шагнула вперед и хрипло произнесла:

— Цзюнь, иди сюда.

Он обернулся, удивленный.

Женщина сделала еще шаг.

— Еще ближе, Цзюнь.

Она хотела, чтобы он подошел, но сама не остановилась, шаг за шагом сокращая дистанцию.

Когда расстояние стало достаточно малым, чтобы говорить шепотом.

Черты лица Се Цзюнь смягчились, уголки глаз изогнулись, на губах заиграла улыбка.

В руках он держал самый обычный букет, перевязанный дешевой лентой.

Омега протянул его альфе.

Так бережно, так... чисто.

Глаза Се Цзюнь стали похожи на водоворот, затягивающий мужчину в бездну. Она спросила лишь одно:

— Цзюнь, ты любишь меня?

Утвердительное предложение. Альфа, обретя контроль над разумом, говорит только

утверждениями, потому что они непоколебимы.

Мужчина замер, охваченный паникой и смущением. Грязь на руках заставила его почувствовать себя неуместным. Он вдруг осознал пропасть между собой и Се Цзюнь.

Так близко, и так далеко.

Его тонкие запястья медленно начали отстраняться...

Но их перехватили.

На запястье надели нить знакомых буддийских четок — тяжелых, с легким ароматом сандала.

Женщина приблизилась, оставив лишь дюйм между ними, и произнесла всего две фразы.

Одно утверждение, один вопрос.

— Цзюнь, давай поженимся.

— Хорошо?

<http://bllate.org/book/21233/2148338>